

**ЛИЧНОСТЬ И ЭПОХА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I
В ВОСПРИЯТИИ И. А. ГОНЧАРОВА***В. И. Мельник*

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 11-34-000219 а1
«И. А. Гончаров и его окружение. Словарь-справочник»

Тема, вынесенная в заглавие настоящей работы, вызревала в литературоведении достаточно давно как более общая: «Гончаров и Романовы»¹. Тем не менее приходится признать, что отношения писателя и семьи Романовых до сих пор не стали предметом сколько-нибудь внимательного изучения. Не изучен вопрос об отношении писателя к монархии вообще.

И. А. Гончарову довелось жить и творить в эпоху правления четырёх русских императоров: Александра I, Николая I, Александра II и, наконец, Александра III. Александр I, хотя он правил до 1825 г., когда Гончарову исполнилось уже 13 лет, на всю жизнь остался для писателя фигурой исключительно мифологической. В новелле «Превратность судьбы», которую Гончаров написал буквально перед смертью, одним из главных действующих лиц является император Александр Павлович. Его образ связывается здесь с исторически достоверным фактом — строительством храма Христа Спасителя на Воробьёвых горах.

Выросший в провинциальном Поволжье, Гончаров впервые столкнулся с живым впечатлением от образа русского самодержца в Москве во время учёбы в Коммерческом училище. Император Николай I посетил это учебное заведение в 1826 г., как раз в то время, когда в стенах училища обучался Гончаров. Государь прибыл в училище вместе со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, которая была официальным шефом Московского коммерческого училища². Тогда-то, вероятно, и увидел её Гончаров. И запомнил на всю жизнь, продолжая и впоследствии интересоваться её личностью и благотворительной деятельностью. В письме к своему доброму знакомому, члену Попечительного совета заведений общественного призрения в Петербурге Кесарю Филипповичу Ордину от 18 февраля 1878 г. он весьма горячо отзываясь о Марии Фёдоровне: «Вы не подозреваете, какой живой интерес имеет для меня Ваша книга, независимо от её литературных и внешних достоинств издания. Для меня идеалы величайшей в мире женщины воплощаются в лице Императрицы Марии Фёдоровны³ (которую я видел в детстве в Москве): она — моя настоящая героиня!

Если б не старость и не лень, если б у меня было побольше таланта — и именно такого, какой нужен — я избрал бы себе задачей быть её — не биографом (это мелко и мало для её жизни), а историографом. Нужно большую силу таланта,

ума и много любви к добру, чтобы изобразить этот образ, или “воплощение добра и милосердия”, как Вы сказали в своей речи.

Вот по каким причинам и Ваша книга, и ещё другая (Переписка Нелединского-Мелецкого, изд <анная> княз <ем> Оболенским) имеет для меня особенный, драгоценный интерес материалов для будущего памятника её жизни»⁴. Очевидно, что Гончаров основывался в своём мнении об императрице не только на детском впечатлении от обаяния её личности, но и на известных сведениях. Мария Фёдоровна первой из русских императриц всерьёз занялась благотворительной деятельностью и возвела её даже в статус государственной работы. Специальное отделение императорской канцелярии называлось Ведомством императрицы Марии. Её неутомимую социальную работу оценили не только современники, но и потомки. Граф С. Уваров писал о ней: «Никогда ни один общественный человек не прилагал к исполнению своего долга такой трудолюбивой деятельности, такой неусыпной бодрости»⁵. А. Н. Данилевский отмечал: «Государыня в точном смысле слова служила России! Никакой министр в свете не мог сравниться с Нею в деятельности, усердии, неутомимости»⁶. Современная исследовательница И. П. Азерникова пишет: «Каждая последующая императрица будет считать своим долгом быть упомянутой в воспоминаниях как покровительница “вдов и сирот”, жертвуя деньги на существование благотворительных учреждений, но никто не мог сравниться в активности с Марией Фёдоровной»⁷. Впечатление, полученное Гончаровым в детстве, со временем усиливалось, так как к старости он стал обращать всё большее внимание на благотворительные учреждения, благодаря прежде всего изменению духовного настроения и, кроме того, благодаря кругу знакомых лиц, среди которых оказывались люди, связанные с этой проблемой.

Что касается императора Николая I, то писатель видел его в 1826 г. в первый и в последний раз в жизни. Государь оказался доволен состоянием училища и даже поведением учеников. Последнее было немаловажно. Известно, что при инспектировании учебных учреждений император обращал особое внимание на дисциплину. В дневнике А. Никитенко от 10 апреля 1833 г. есть любопытная запись, указывающая на это: «Сегодня Николай Павлович посетил нашу первую гимназию и выразил неудовольствие. Вот причины. Дети учились. Он вошёл в пятый класс, где преподавал историю учитель Турчанинов. Во время урока один из воспитанников, впрочем, лучший и по поведению и по успехам, с вниманием слушал учителя, но только облокотясь. В этом увидели нарушение дисциплины. Повелено попечителю отставать от должности учителя Турчанинова. После сего государь вошёл в класс к священнику — и здесь та же история. Все дети были в полном порядке, но, к несчастью, один мальчик опять сидел, прислонясь спиной к заднему столу. Священнику был сделан выговор, на который он, однако, отвечал с подобающим почтением:

— Государь, я обращаю внимание более на то, как они слушают мои наставления, нежели на то, как они сидят. Попечителю опять горе: вот уже третий раз...»⁸.

Кроме того, упоминания о Николае Павловиче содержатся в очерке «По Восточной Сибири». Чрезвычайно высоко отзываясь о фигуре генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва, Гончаров, между прочим, пишет: «Его угадал

император Николай Павлович и из гражданского губернатора Тулы призвал на пост генерал-губернатора Восточной Сибири. Ни тот, ни другой не были чиновниками и поняли друг друга»⁹. Лишь в Восточной Сибири, посмотрев на живую деятельность русских в новом неизведанном краю, Гончаров мог убедиться в ограниченности общего мнения о бюрократизме как основе государственной деятельности и личности императора Николая Павловича. Точно такое же живое впечатление о нём он получил в разговорах со святителем Иннокентием (Вениаминовым). Гончаров вспоминает в том же очерке: «На этих вечерних беседах у преосвященного говорилось обо всём, всего более о царствовавшем тогда императоре Николае Павловиче. Преосвященный любил рассказывать о приёме его государем, о разговоре их, о вопросах императора о суровом крае Восточной Сибири. Между прочим, преосвященный рассказал мне о своём назначении, когда в Петербурге узнал о смерти своей жены, сначала в архимандриты и вслед за тем на кафедру Якутского, Алеутского и Курильского архиепископа.

— На Курильских островах и церкви нет, — заметил докладывающий.

— Выстроят, — сказал государь и продолжал писать»¹⁰.

И наконец, писатель приводит ещё одно легендарное свидетельство в пользу личности Николая Павловича в том же очерке: «Говорят, не знаю, правда ли, что какой-то чиновник, приехавший из Иркутска в Петербург с какими-то донесениями к государю, очень хотел накидать “batons dans le routs” генерал-губернатору. Представляя свои донесения императору, он, между прочим, сказал, что Н. Н. Муравьёв, где встретит, очень ласково обращается с поселёнными вне Иркутска декабристами, никакую работой их не занимает, что хотя по положению своему сам не бывает у них, но что супруга его посещает декабристов и т.д.

Император будто бы выслушал чиновника и заметил: “Стало быть, Муравьёв понял, чего я хотел”»¹¹.

При этом нужно учесть, что в окружении Гончарова личность покойного императора Николая Павловича воспринималась порою совсем не так доброжелательно. И это немудрено. Мыслящая часть общества, настроенная на реформы (а среди них, несомненно, был и Гончаров), ощущала в обществе недостаток движения и «воздуха». Сразу после смерти государя близкий знакомый романиста, во многом разделявший его взгляды, цензор А. В. Никитенко¹² записал в своём дневнике: «Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница в истории русского царства дописана до конца»¹³. Тот же А. В. Никитенко пишет в своём дневнике уже после смерти Николая I: «Правительство испугано движением, какое у нас с некоторого времени образовалось. Оно не хочет сидеть сложа руки, а действовать оно привыкло одним способом — способом удержания, гнёта, устрашения. Оно не понимает, что действовать — значит управлять, направлять; да и понять ему трудно это, потому что оно не допускает к себе никаких способностей и окружено непроницаемой стеной из слабых голов и сердец» (запись 7 февраля 1859 г.). В 1857 г. поэт В. Г. Бенедиктов, близкий и Гончарову, и семье Майковых, написал стихотворение под названием «7 апреля 1857», в котором были строки, обращённые к России: «Была мертва ты тридцать лет». В самом деле, в царствование Николая Павловича

страна как бы «притихла» на время после событий 1825 г., притихла не только политически. Это было обусловлено характером правления при государе Николае Павловиче. Историк Ключевский писал об этом так: «Николай поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости помощью практического законодательства, и всё это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами; но он не снял с очереди тех жгучих вопросов, которые были поставлены в прежнее царствование...»¹⁴.

Действительно, при Николае I было упорядочено государственное законодательство, зато слишком возросла роль бюрократии, было введено техническое и военное образование, но Крымскую войну Россия начала без современного оружия. Начинают широко внедряться паровые машины, но русский военный флот так и остался парусным, не выдерживая конкуренции с флотами европейских держав. В книге «Фрегат “Паллада”» Гончаров накануне столкновений с военными флотами союзников пишет об этом в весьма критическом духе: «Оно, пожалуй, красиво смотреть со стороны, когда на бесконечной глади вод плывёт корабль, окрылённый белыми парусами, как подобие лебедя, а когда попадёшь в эту паутину снастей, от которых проходу нет, то увидишь в этом не доказательство силы, а скорее безнадежность на совершенную победу... Напрасно водили меня показывать, как красиво вздуваются паруса с подветренной стороны, как фрегат, лёжа боком на воде, режет волны и мчится по двенадцати узлов в час. “Эдак и пароход не пойдёт!” — говорят мне. “Да зато пароход всегда пойдёт” <...> Дело решено. Паруса остались на долю мелких судов и небогатых промышленников; всё остальное усвоило пар. Ни на одной военной верфи не строят больших парусных судов; даже старые переделываются на паровые». Правда, при Николае I появились законы о пенсиях, открылся университет Святого Владимира в Киеве (рядом с ним был поставлен памятник Николаю Павловичу), в Петербурге — Технологический институт, Пулковская обсерватория и пр. Но главное — император добросовестно на протяжении всего своего правления пытался решить застарелую проблему крепостного права. Впрочем, так и не решил. «Три раза начинал я это дело, — говорил он, — и три раза не мог продолжать: видно, это перст Божий»¹⁵.

Словом, дело шло вроде бы и неплохо, но прорывов не было ни в одной области. Гончаров, вращавшийся в Николаевскую эпоху в кругах среднего, а порою и высшего чиновничества, разумеется, был хорошо информирован о проблемах русской жизни. Подвижки, происходящие в эпоху Николая Павловича, бесспорно, влияли на русскую жизнь, но они казались Гончарову, как и многим другим, незначительными и запаздывающими. В деятельности правительства не было крупных успехов, не было собственно реформ, которые давно назрели и которые были так ожидаемы русским обществом. О настроениях писателя говорят многие страницы не только «Обломова», но и «Фрегата “Паллады”» — книги, написанной сразу после Крымской войны, которая выявила многие прорехи в экономической и политической жизни России.

Нужно ясно разделять историческую деятельность и обаяние личности Николая I. Гончаров знал это по семье Майковых. Здесь почиталась прежде всего личность государя. Дело не в том, что глава семейства, академик живописи Николай Аполлонович, пользовался покровительством государя в течение многих лет. В личности императора, безусловно, господствовали христианские идеалы и рыцарственность. Фигура и нравственный облик государя впечатляли не только современников, но и потомков. Философ Владимир Соловьёв через сорок лет после смерти Николая Павловича написал: «Могучий Самодержец, которого сегодня благочестиво поминает Русское царство, не был только олицетворением нашей внешней силы. Если бы он был только этим, то его слава не пережила бы Севастополя. Но за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости (или того, что считалась за такую необходимость), в Императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания». Мемуаристы и историки отмечают в облике царя прежде всего рыцарственность. Это был последний рыцарь-государь в Европе. Рыцарство его заключалось в безусловной и мощной защите христианских ценностей. Его нравственное влияние, его роль хранителя не только православной России, но и христианской «дореволюционной» Европы нельзя было не оценить. Ученик Гончарова, поэт Аполлон Майков преклонялся перед личностью государя и посвятил ему стихотворение:

*С благоговением гляжу я на него,
И грустно думать мне,
что мрачное величье
В его есть жребии: ни чувств, ни дум его
Не пощадил наш век клевет и злоязычья!
И рвётся вся душа во мне ему сказать
Пред сонмищем его хулителей
смущённым:
«Великий человек!
Прости слепорождённым!
Тебя потомство лишь сумеет разгадать,
Когда История пред миром изумлённым
Плод слёзных дум твоих о Руси обнажит.
И, сдёрнув с истины завесу лжи печальной,
В ряду земных царей
Твой образ колоссальный
На поклонение народам водрузит».*

Гончаров видел в императоре и не вполне удачного исторического деятеля, и благороднейшую личность, рыцарственную фигуру. Если во «Фрегате “Паллада”» он упоминает лучшие личностные качества государя, то о его эпохе он был несколько иного мнения. Более всего его затрагивал вопрос об атмосфере, сло-

жившейся в обществе, о невозможности инициатив, а в итоге, о слабости России. Однажды в мало кому известной исповедально-мемуарной книге под названием «Необыкновенная история» он сказал об упомянутой эпохе: «Всем известно, что такое Герцен и подобные ему <...> ушедшие от угроз, от страха беды, к большей свободе!!! Герцен <...> действовал всё-таки для России и, горячо любя её, явил её недостатки, спорил с правительством, выражал те или иные требования в её пользу, громил злоупотребления — и нет сомнения, был во многом полезен России, открывал нам глаза на самих себя. Он ушёл, потому что здесь этого ничего он не мог бы делать! <...> цензура теснила и всех нас <...> всем бывало жутко, несвободно...»¹⁶. А воспоминания о В. Г. Белинском, глашатае передовых идей в 1840-е гг., говорят о том, что Гончаров размышлял уже в эти годы о «свободе крестьян, лучших мерах к просвещению общества и народа, о вреде всякого рода стеснений и ограничений для развития и т.д.»¹⁷

Однажды кто-то выразил предположение, что в образе Обломова, строящего планы, но не выполняющего их, Гончаров изобразил государя Николая Павловича... Романист с ужасом отнёс эти домыслы, хотя об эпохе Николая I он писал: «Снаружи казалось всё так прибрано, казисто... Но масса общества покоилась в дремоте, жила рутиной и преданиями...». Предположение об «обломовском комплексе» государя Николая Павловича имело под собою историческое обоснование — и в этом смысле прозвучало, возможно, не случайно. В. О. Ключевский отмечает, говоря о реформаторских проектах Николая I: «Император вполне одобрил эти проекты, но нашёл их более рассчитанными на будущее, чем на настоящее, и оставил их без последствий»¹⁸. Особенно важна была реформа крепостного права. Подготовка реформы велась секретно, без общества. Причём в разработке участвовал и близкий знакомый Гончарова, Солоницын. Автора «Обломова» подготовка реформы не могла не волновать. А она шла так же, как и выработка «плана» Ильи Обломова: «Для разработки этого вопроса в продолжение царствования составлялось несколько секретных или весьма секретных комитетов; они обсуждали тяжёлое дело ... выработывали проекты, большая часть которых оставалась неосуществлённой»¹⁹. Неудивительная параллель с Обломовым... Во всяком случае роман Гончарова мог восприниматься так со стороны.

Таким образом, Гончаров освещает фигуру Николая Павловича с разных сторон. Он присоединяется к тому большинству среднего и высшего чиновничества, которое ожидало от царя реформ и критически воспринимало недостатки его государственной деятельности, но, с другой стороны, он, безусловно, симпатизирует личным чертам императора: его благородству, рыцарственной чести, великодушию.

¹ См.: И. А. Гончаров и К. К. Романов. Неизданная переписка. Псков, 1993.

² Русские писатели в Москве. М., 1987. С. 331.

³ Мария Фёдоровна (1759–1828) — вторая жена Павла I, до перехода в Православие София-Доротея-Августа-Луиза. Благодаря её покровительству и содействию в царствование Александра I основано несколько женских учебных заведений в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове, Симбирске и других городах.

- ⁴ Архив ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 289. Ед. хр. 22.
- ⁵ Уваров С. С. Дань памяти императрицы Марии. СПб., 1866. С. 20.
- ⁶ Данилевский Н. Описание добродетельной жизни и кончины государыни-императрицы Марии Фёдоровны в Бозе почившей. М., 1829. С. 25.
- ⁷ Азерникова И. П. Вклад императрицы Марии Фёдоровны и её ведомства в развитие благотворительности в России // История. 2011. № 3. URL: www.evestnik.mgou.ru. (дата обращения: 15.06.2012).
- ⁸ Никитенко А. В. Записки и дневник: в 3 кн. М., 2005.
- ⁹ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. С. 598.
- ¹⁰ Там же. С. 606–607.
- ¹¹ Там же. С. 612.
- ¹² Никитенко Александр Васильевич (1805–1877) — профессор Петербургского университета, цензор Петербургского цензурного комитета, член Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания.
- ¹³ См.: Лит. наследство. М., 2000. Т. 102. С. 354.
- ¹⁴ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 432–433.
- ¹⁵ Русский архив. 1887. № 6. С. 262.
- ¹⁶ Лит. наследство. Т. 102. С. 257.
- ¹⁷ Там же. С. 259.
- ¹⁸ Ключевский В. О. Русская история. Т. 3. С. 433.
- ¹⁹ Там же. С. 440.